

АЛЕКСЕЙ ПАНЧЕНКО*

ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ И ОБРАТНО**

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ НАРОДНИКАМИ

Получено: 08.03.2020. Принято: 09.05.2020.

Аннотация: Народничество как общественное движение и интеллектуальное течение начало формироваться в 1860–70-х гг. в среде российского студенчества. Несмотря на то, что первые народники обучались на разных специальностях, существовал определенный интеллектуальный «канон», знакомство с которым было необходимым для всех. Именно исходя из глобальных историко-философских и политико-экономических концепций, была сформирована народническая идеология, которая должна была получить подтверждение в ходе дальнейших действий. Однако «хождение в народ» показало, что столь широкие обобщения идут вразрез с действительностью и не могут использоваться в качестве инструмента познания. После разгрома народничества многие его участники оказались в ссылке на окраинах империи, где были лишены доступа к традиционному кругу чтения. Одной из основных форм деятельности для них стало участие в экспедициях, в которых собирался конкретный материал (от этнографического до геологического), осмысление которого требовало знакомства с узкоспециальной литературой. По мере накопления полевого материала, некоторые народники так или иначе выходили на уровень новых обобщений, часто делая это как бы мимоходом. В ходе Сибиряковской экспедиции были высказаны довольно смелые лингвистические и антропологические гипотезы, при обсуждении проектов экспозиции в Русском музее Д. А. Клеменцем были сформулированы основы теории хозяйственно-культурных типов. Позднее бывшие народники Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз смогли создать новые глобальные концепции в этнографии, касающиеся происхождения религии и развития культуры. Таким образом производство знания народниками шло по следующему принципу: сначала использовались обобщающие теории, которые не выдержали проверки практикой, затем настал этап создания частнонаучных знаний в области археологии, этнографии, геологии, а после на их основе создавались новые теории высокого уровня.

Ключевые слова: народничество, этнография, Д. А. Клеменц, В. Г. Богораз, П. Л. Лавров, Л. Я. Штернберг, история науки.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-249-281.

Проблема производства социально-гуманитарного знания в Российской империи в последние полтора десятилетия стала объектом множества исследований. Основными темами в них являются следующие:

*Панченко Алексей Борисович, к. и. н., доцент, Сургутский государственный педагогический университет, alexeypank@rambler.ru.

**© Панченко, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

существовала ли специфика производства народоведческого знания в Российской империи, или же она вписывалась в контекст ориентализма; какие акторы участвовали в производстве этого знания и как они взаимодействовали между собой; соотношение прикладного и «чистого» научного знания в этом процессе. При этом следует отметить, что практически все исследователи связывают производство этого знания с востоковедением (Схиммельпэнник ван дер Ойе, Бавин, 2019; Тольц, 2013), практически полностью игнорируя другие варианты этого процесса (пожалуй, за исключением Александра Эткинда (Эткинд, Макаров, 2013), который обращается и к вопросу изучения русских крестьян этнографами и правительственными чиновниками). В результате из поля зрения исследователей во многом выпал феномен народнической этнографии, несмотря на то, что именно представители этого течения во многом выполняли роль «агентов колонизации» в отдаленных уголках империи. В достаточно упрощенном виде народническая этнография охарактеризована в работе Ю. Слезкина (со ссылкой на С. А. Токарева): «Жадно читавшие Конта, Спенсера, Энгельса, Тейлора и Моргана, почти все радикалы 1880–1890-х годов были этнографами, и все без исключения были эволюционистами» (Слезкин, Леонтьева, 2008: 143). Им же был выдвинут тезис о близости взглядов различных акторов колониализма: «антиправительственные интеллигенты, правительственные чиновники и православные идеологи были согласны друг с другом, когда речь заходила о „диких и полудиких инородцах“. Прогресс, гражданственность и спасение душ были неразрывно связаны с русификацией» (там же: 140). В реальности же ситуация была гораздо более сложная, причем можно выделить две крайности: парадоксальное соединение в одном лице различных акторов — «Царский генерал и одновременно блестящий ученый с народническими и социалистическими убеждениями был далеко не редкой фигурой в Туркестане» (Центральная Азия в составе Российской империи, 2008: 333); либо же разнонаправленное действие представителей власти, науки и интеллигенции в рамках производства и использования конкретного знания. Не менее трудным является вопрос о характере этого знания, которое, по мнению П. Сартори и П. Шаблея, применительно к истории Российской империи не может рассматриваться только с позитивистского подхода как основа для административных преобразований и результат противоречивого и непоследовательного процесса взаимодействия между империей и ее подданными. Это обуславливается, во-первых, отставанием роста научных знаний от требований совершенствования

управления, а во-вторых — неготовностью колониальных чиновников отступить от имеющихся у них политических и идеологических стереотипов (Сартори, Шаблей, 2019: 42–43). В полной мере этот тезис может быть применен и ко внутренним районам Российской империи, в частности — Сибири и Дальнему Востоку, которые даже в середине XIX века были недостаточно изучены.

Хотя народникам как собирателям этнографических сведений о народах империи еще в той или иной степени уделялось некоторое внимание, но их теоретические взгляды, сформировавшиеся на основе изученного ими полевого материала, до сих пор слабо представлены в рамках изучения истории науки. Тем более, что вопрос производства теоретического этнологического знания вообще остается малоизученным¹. Хотя и такого рода знание, безусловно, могло использоваться в процессе организации управления имперским многообразием, но его характер существенно отличался от того, что создавалось в рамках непосредственно «полевой» работы. В отличие от материалов обычного права, описаний особенностей быта и фольклора, антропологических измерений, теоретическое знание нуждалось в определенном осмыслении со стороны представителей власти, прежде чем могло быть внедрено в управленческую практику. Помимо этого, теоретическое знание могло использоваться для идеологического обоснования тех или иных действий властей при решении как внутриимперских, так и внешнеполитических задач. Но поскольку теоретическое знание создавалось идеологическими противниками действующей власти, процесс его усвоения не мог быть простым принятием, что требует дополнительного изучения. В рамках данной статьи предполагается частично восполнить этот пробел на основе анализа деятельности нескольких активных участников революционного народничества. Выбор именно этого направления в рамках народнического движения обусловлен спецификой условий, в которых они формировались как исследователи, будучи долгое время оторванными от основных научных центров и не имея возможности в полной мере познакомиться с новейшими теориями в этнологии. В силу этого они, с одной стороны, меньше зависели от

¹ В указанной работе Веры Тольц есть раздел, посвященный соотношению «чистой» и прикладной науки в рамках востоковедения (Тольц, 2013: 129–140), но под «чистой» в ней подразумевается не производство теоретического знания на уровне новых обобщений, а скорее изучение древних языков, истории и культуры древневосточных цивилизаций.

чужих схем и сложившихся стереотипов, но с другой, часто были вынуждены заново искать ответы на уже решенные вопросы. Поэтому интересным представляется проследить логику создания теоретического знания революционными народниками, что позволит расширить наши представления об особенностях российского ориентализма.

1860-е гг. стали временем серьезных преобразований Российской империи во всех сферах жизни. Безусловно, они не могли не затронуть и сферу производства знания, причем во всех аспектах — начиная от подготовки кадров и заканчивая рецепцией теорий из европейской науки и философии. Принятие в 1863 г. нового Университетского устава, серьезно расширившего автономию высших учебных заведений, при сохранении возможности доступа к высшему образованию выходцев из разных социальных слоев создало питательную почву для формирования среди студентов различных кружков общественно-политического характера. Годом позже был принят гимназический устав, разделивший эти учебные заведения на классические, с упором на древние языки, и реальные, в которых приоритет отдавался естествознанию. В учебные заведения активно проникали новые идеи, в том числе ярко выраженного либерального характера. Не менее значительным было проникновение и научно-философских теорий: материализма, позитивизма, эволюционизма. Все это соединялось с нигилистическим мировоззрением, которым была пронизана литература. При этом эти идеи практически никак не ограничивались учителями, которые не реагировали на «отрицательное направление» в литературе. Причиной этого, по мнению О. А. Милевского, было то, что «априорная вера в безусловную полезность книжного знания сыграла с людьми 30–40-х годов злую шутку» (Милевский, Панченко, 2017: 34). Но при всем том, что перед молодежью открылся большой объем новой информации, усваивалась она крайне поверхностно. Как характеризовал эту эпоху один из идеологов народничества П. Н. Ткачев: «Мысль, освобожденная от темничного затворничества, с лихорадочною поспешностью перескакивала от вопроса к вопросу, от одной идеи к другой» (Ткачев, 1990: 563). Но эта поверхностность соединялась с безоговорочной верой в истинность положений, выдвигаемых тогдашними кумирами молодежи. Как позже вспоминал один из видных народников (а на тот момент уже консерватор) Л. А. Тихомиров: «Это грубо механистическое материалистическое мировоззрение было у меня вбито накрепко разными Фогтами. Это была вера, не допускающая никаких сомнений» (Тихомиров, 1927: 37).

Выпустившись из гимназий, обладающие поверхностными знаниями, но твердо убежденные в своей правоте, молодые люди из семей небогатых дворян, купцов, управляющих и, в меньшей степени, священников, переезжали в Санкт-Петербург, Москву и другие крупные города для продолжения учебы в университетах и институтах. Там они попадали в особую среду, которую с начала 1860-х гг. формировали первые тайные кружки революционного характера, из которых самой влиятельной была «Земля и воля», а также кружок «ишутинцев», член которого Д. В. Каракозов организовал неудачное покушение на Александра II, после чего последовали массовые аресты членов народнического движения. Помимо этого, начало нарастать недовольство реформами, которые не привели к улучшению жизни крестьян и рабочих. В этих условиях фактически завершается становление мировоззрения будущих активных участников революционного народничества, которые включаются в деятельности новых объединений, активно заявивших о себе уже в 1870-е гг.

Л. А. Колесниковой был выделен определенный интеллектуальный «канон», определивший мировоззрение революционных народников этой эпохи. В первую очередь к нему относились сочинения Дж. С. Милля «Основы политической экономии», Л. Бюхнера «Материя и сила», Г. Спенсера «Социальная статика» и Я. Моленшота «Круговорот жизни». Помимо сочинений зарубежных авторов, в число самых читаемых работ входили первые философские и теоретические обобщения П. Л. Лаврова («Исторические письма») и В. В. Берви-Флеровского («Положение рабочего класса в России»)², ставшие базисом для формирования народнических представлений. Также в число самых популярных авторов входили Ч. Дарвин, Д. И. Писарев и Н. Г. Чернышевский, причем последний ценился больше как комментатор и переводчик Дж. С. Милля, нежели как критик или писатель (Колесникова, 1996: 44–45). В то же время, как отмечает Ю. А. Сафронова, наличие общего круга чтения не означало одинаковое понимание прочитанного. Часто из философских сочинений усваивались не ключевые идеи, а самые яркие, да еще и не в том смысле, какой в них вкладывался автором (Сафронова, 2018). Во многом это можно объяснить отсутствием необходимого

²В десятку самых читаемых книг также входили «Евангелие», Л. Бокль «История цивилизации в Англии», Л. Блан «История Великой французской революции», В. Е. Варзар «Хитрая механика», Ф. Шпильгаген «Один в поле не воин» и М. А. Бакунин «Государственность и анархия».

жизненного опыта у читающих, а также слабостью общегуманитарной подготовки, из-за чего в головах у студенческой молодежи не было цельной картины развития научного и философского знания.

Исходя из очерченного круга чтения, можно предположить, что важную роль в формировании представлений у революционно настроенной молодежи стали играть Петр Лаврович Лавров и Василий Васильевич Берви-Флеровский. Оба они написали труды, принесшие им известность, в ссылке, но тем не менее между ними существовали серьезные различия в способах формирования нового знания. «Исторические письма» Лаврова, написанные в вологодской ссылке, стали результатом творческого переосмысления идей И. Канта, Л. Фейербаха, Дж. С Милля и Г. Спенсера. В итоге им была создана собственная теория исторического процесса, основанная на принципе субъективизма: «для человека процесс истории всегда представляется — более или менее ясно и последовательно — борьбою за прогресс, реальным или идеальным развитием прогрессивных стремлений, прогрессивного понимания» (Лавров, 1965: 45). Из этого вытекало, что главным орудием прогресса неизбежно становится личность, причем обязательно «критически мыслящая». Но такая личность обладает нравственным долгом перед человечеством — она должна бороться за прогресс. Для этого таким личностям следует вести разъяснительную работу в массах, формируя круг единомышленников, после чего совместными усилиями станет возможным смести все преграды на пути прогресса (там же: 247). Хотя для подтверждения этой теории П. Л. Лавров не приводил конкретных эмпирических фактов, но для его читателей сама логика рассуждений казалась не вызывающей сомнений.

Сочинение же Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», написанное им после возвращения из томской ссылки, опиралось на материалы, собранные автором путем наблюдений и работы с земской статистикой. На основании получившихся выводов о бедственном состоянии российских рабочих и крестьян, а также их семей, причины которого лежат в историческом развитии страны. Из этого делались вполне конкретные предложения по улучшению благосостояния простого народа, среди которых — обеспечение возможности заниматься трудом в оптимальных условиях. Для того же,

чтобы деятельность человека была наиболее плодотворной, необходимо, чтобы он при ее выборе руководствовался исключительно своими способностями

и наклонностями, а этого можно достигнуть только тогда, когда и материальный и интеллектуальный труд и экономия будут получать одинаковое вознаграждение и будут жить жизнью одного уровня — разница будет зависть от успеха, а не от рода деятельности (Флеровский, 1869: 494).

Другое крупное произведение Берви-Флеровского — «Азбука социальных наук» — подобно «Историческим письмам» претендовало на новое осмысление исторического процесса, в основе которого лежит стремление человека жить «мировой жизнью», что возможно только через совместную деятельность с другими (Берви-Флеровский, 1871). Таким образом, к началу 1870-х гг. в среде революционного народничества распространились глобальные теоретические концепции, претендующие на осмысление реальности. При этом эти теории воспринимались как базис для практических преобразований реальности, к попыткам чего и приступили члены народнических кружков.

Опираясь на идеи Лаврова о критически мыслящей личности, которая должна стремиться к «оплате долга» перед народом, за счет которого она получала образование, и Берви-Флеровского о необходимости воспитания людей, готовых совместно развиваться и идти к процветанию, были заложены основы для начала масштабной акции — «хождения в народ», наиболее активная фаза которого пришлось на 1874–1876 гг. При этом если теоретическая база для этого была заложена, в первую очередь, Лавровым, то сведения о реальном положении «объектов пропаганды» народники черпали из «Положения рабочего класса» Берви-Флеровского и «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» немецкого этнографа Августа Гакстгаузена (Алаев, 2014: 46), путешествовавшего по России в 1843–1844 гг., его работа вышла на русском языке в 1870 г. Опираясь на исследования, основанные на богатом фактическом материале, народники воспринимали крестьян и рабочих (которые в большинстве были вчерашними крестьянами) как идеальные типы, характеризующиеся «врожденным» социализмом, внутренней солидарностью, антиправительственным настроением и т. д., поскольку такие обобщения ложились на теории Лаврова и Берви-Флеровского. Однако в среде пропагандистов-народников не существовало единства в отношении к научным знаниям. Это было хорошо показано в рамках учебника по истории революционного движения в России, написанного для подготовки жандармов подполковником Ф. С. Рожановым с опорой на материалы Особого отдела Департамента полиции.

Автором было выделено три типа таких пропагандистов (Рожанов, 1913: 85–86):

(1) Деятели первой группы утверждали, что никакой научной подготовки не нужно, что достаточно одной грамотности, самых элементарных познаний и что затем следует немедленно идти в народ, слившись с которым, под видом простых рабочих, мастеровых и поденщиков, проповедовать в его среде революционные идеи и готовить его к открытому восстанию. (2) Деятели второй группы доказывали, напротив, что для серьезного агитатора в среде простого народа необходимы прочные научные знания и некоторая опытность, причем отрицали «ученые дипломы и всякие аттестаты как средства крайне деморализующие и обращающие свободного человека в буржуазию, т. е. в раба известной обстановки». (3) Наконец представители третьей и быть может самой опасной группы требовали серьезной научной подготовки и общего образования и, не отвергая значения дипломов и аттестатов, признавали, что для действительно успешного и возможно быстрого достижения предположенной цели — разрушения существующего государственного строя, — отнюдь не должно ограничиваться революционной пропагандою исключительно лишь в среде простого народа, а следует каждому революционеру действовать в той сфере, где он находится — независимо от того, будет ли это сфера простого рабочего, солдата, мастерового, или же учителя, акушерки, врача и вообще государственной службы...

Именно в третью, самую опасную, категорию попали члены кружка «чайковцев», которые не только участвовали в хождении в народ (хотя часть активных участников кружка и были арестованы накануне этого предприятия), но и занимались издательской деятельностью, печатая как пропагандистские брошюры, так и более фундаментальные работы (в частности, именно «чайковцы» издали «Азбуку социальных наук»). Одним из выдающихся членов этого кружка был Дмитрий Александрович Клеменц, ставший автором нескольких стихотворений и сказок, стилизованных под крестьянский фольклор. Несмотря на все усилия народников, итог их хождений был неутешительным. При этом нельзя не отметить очень важный парадокс: хотя в ходе своей деятельности они довольно долго взаимодействовали с крестьянами и рабочими, но собранные ими фактические сведения о реальном положении дел не стали основой для производства теоретического знания, хотя и нашли отражения в ряде публикаций по состоянию дел в деревне. В качестве же теоретической базы, помимо работ названных выше авторов важную роль начали играть сочинения Карла Маркса, которые переводили сами народники.

Ситуация кардинальным образом изменилась после разгрома народнического движения в начале 1880-х гг. Ряд наиболее активных его участников оказались либо в заключении (как Н. А. Морозов), либо в ссылке в отдаленные регионы империи (как Д. А. Клеменц и И. И. Майнов, позже к ним присоединились уже участники народовольческого движения — Л. Я. Штернберг, В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз и другие), некоторые члены вынуждены остаться в эмиграции без особой надежды на возвращение (как Л. А. Тихомиров). В интеллектуальном отношении хуже всего приходилось именно ссыльным. Если эмигранты имели свободный доступ к любой литературе, а заключенные в тюрьмах Европейской России довольно часто могли обойти имеющиеся запреты (Пенькова, 2015: 167–171) (тем более, что далеко не все философские и научные книги подпадали под них), то ссыльные фактически оказались лишены доступа к привычному кругу чтения. Помимо того, что вся доставляемая им корреспонденция могла досматриваться, многие ссыльные не имели возможности приобретать литературу по причине отсутствия средств для этого. Наконец, сам факт пребывания в отдаленных местах часто делал невозможным получение той или иной литературы чисто физически, поскольку ее просто было невозможно доставить. В силу этого принципы производства нового знания, особенно носящего обобщающий теоретический характер, ссыльными народниками и народовольцами принципиально поменялись по сравнению с их более «удачливыми» товарищами.

Будучи очень деятельными по натуре людьми, ссыльные народники оказались в сложной ситуации из-за имеющихся ограничений по сферам деятельности: они не могли преподавать, заниматься любой публичной деятельностью, организовывать типографии или заниматься книготорговлей, существовало даже ограничение на содержание питейных заведений и торговлю алкоголем. Дополнительную трудность составляло отсутствие привычного интеллектуального круга в силу того, что в отдаленных местах империи вообще было мало образованных людей, тем более — разделяющих народнические убеждения (хотя эта проблема постепенно решалась за счет прибытия новых ссыльных и формирования определенных «колоний» единомышленников). В такой ситуации народники вынуждены идти на сотрудничество с официальными учреждениями империи, в первую очередь — с отделами Императорского Русского географического общества и губернскими статистическими комитетами. Еще одной точкой приложения своей энергии для них становится участие в научных экспедициях, причем самого разного рода —

от ботанических и геологических, до этнографических и археологических. Не имея доступа к новейшим философским, социологическим, экономическим и историческим сочинениям, народники были вынуждены обратиться к изучению конкретного «полевого» материала, причем зачастую не будучи специалистами в новых отраслях своей деятельности. Наконец, еще одной сферой приложения своей деятельности (после окончания официального срока ссылки) для революционных народников стало литературное творчество или журналистика.

Такой расклад принципиально изменил место революционных народников в системе производства теоретического знания (и знания вообще). Если прежде они выступали в качестве реципиентов для больших теорий, которые затем стремились реализовать на практике, то провал «хождения в народ» и несостоятельность ожиданий революции после убийства Александра II привела к необходимости пересмотра своих позиций. Переход от пропагандистской деятельности к исследовательской, заказчиками которой могли выступать как представители местной администрации, так и промышленники, потребовал знакомства с теориями в рамках частных наук, в том числе естественных. Помимо этого, для осмысления результатов собственных полевых исследований революционные народники фактически были вынуждены перейти к самостоятельному созданию теоретических обобщений. Таким образом, они стали одновременно выступать в нескольких ипостасях: как начинающие исследователи, стремящиеся занять себя интеллектуальной деятельностью, как агенты внутренней колонизации, как эксперты для промышленников, и все это — не отказываясь от собственных революционных убеждений.

Одним из наиболее активных ссыльных-исследователей стал Д. А. Клеменц, оказавшийся в Минусинске в 1881 г. и пробывший там до 1886 г. Фактически единственным «интеллектуальным островком» в этом городе был краеведческий музей, созданный Николаем Михайловичем Мартьяновым, поэтому неудивительно, что Клеменц активно начал сотрудничать с ним. Еще одной отдушиной стали совместные с Александром Васильевичем Адриановым (выдающимся этнографом и археологом, одним из активных участников областного движения) экспедиции. Кроме того, в это время Дмитрий Александрович впервые выступил в роли исследователя для нужд частной промышленности, проведя в 1886 г. обследование ряда приисков, принадлежащих Иннокентию Михайловичу Сибирякову. В ходе полевых исследований и работы

с экспонатами музея, Д. А. Клеменц не только приобрел базовые знания в новых для него сферах (он учился на физико-математическом факультете), но попытался выйти на уровень теоретических обобщений. При этом следует отметить, что сам он себя специалистом в археологии, этнографии и географии не считал, поэтому довольно скромно оценивал те выводы, которые ему удавалось сформулировать. Не будучи знакомым с существующими археологическими и этнологическими теориями, Клеменц не был стеснен их рамками, что давало ему определенную методологическую свободу. В то же время он начал активно изучать специальные работы, часто позволяя себе критические замечания, основанные на собственном полевом опыте.

Например, готовя в 1884 г. к изданию лекцию В. В. Радлова, посвященную сравнительной грамматике северных тюркских языков, Клеменц указывал в комментариях (Комментарии Д. К. Клеменца..., б. д.):

Племя, народ автор очень часто называет словом «Stamm», роды, подразделение племени на крупные группы обозначаются всюду словом «Lesschlect», для подразделений рода автор снова употребляет слово «Stamm». В последнем случае мы почти везде передаем этот термин словом поколение, так называть одним и тем же именем и целый народ, и подразделение его мы сочли неубедительным. У абаканских и черневых татар есть свой весьма характерный термин для обозначения группы лиц, ведущей и помнящей еще свое происхождение от родоначальника, сознающей свое кровное родство — этот термин сек или в некоторых татарских названиях сук — по-русски кость. Члены одного сека — люди одной кости. По нашему мнению, деление на секи гораздо важнее в этнографическом отношении, нежели деление на роды.

Здесь проявилась запутанность в терминологии, которая существовала не только в российской, но и в мировой этнографии. Со своей стороны Д. А. Клеменц попытался решить эту проблему через обращение к известному ему полевому материалу.

Еще одно важное обобщение (без осознания его значимости со стороны автора) было сделано Клеменцем при подготовке каталога Минусинского музея в 1886 г. В нем он, помимо прочего, остановился на рунических письменах и указал, что

(1) они древнее фигурных писаниц; [...] (3) сходство их с западными рунами Золотого рога, брактеатов и северными указывает на один общий источник всех этих алфавитов. Иначе пришлось бы предположить, что разные народы, на разных концах света додумались до тождественных знаков для выражения мыслей, что совершенно невероятно (Клеменц, 1905: 41).

Он сам не акцентировал внимание на этом положении (далее перечислялось еще 6 различных пунктов), но оно фактически является одним из ключевых тезисов диффузионизма, основы которого на тот момент только начали закладываться немецким географом Фридрихом Ратцелем. Идея о том, что различные элементы культуры не создаются независимо друг от друга, а распространяются от одного региона к другому через культурную диффузию (посредством торговли, путешествий и т. д.), на тот момент еще не высказывалась никем из этнографов, поскольку господствующим течением был эволюционизм. Самого Клеменца многие исследователи также считали эволюционистом, однако приведенная цитата показывает, что это утверждение не совсем корректно. Дмитрий Александрович на тот момент не был знаком с классическими работами эволюционистов (ни с «Первобытной культурой» Эдварда Тайлора, ни с «Древним обществом» Генри Моргана), что давало ему большой простор для самостоятельного осмысления этнографических явлений.

В то же время слабая теоретическая база иногда приводила к серьезным ошибкам. Так в работе «Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа», Клеменц предположил, что собранные им молитвы и заговоры содержат в себе элементы языческих и сектантских произведений (Клеменц, 1888). Однако как было высказано в критической статье С. К. Кузнецова (Кузнецов, 1888), то, что автор принял за сектантские мотивы, на самом деле является вполне традиционными православными молитвами, которые легко найти в различных сборниках. Тут мы видим желание Дмитрия Александровича делать обобщающие выводы на слабо знакомом ему материале, из-за чего и произошла столь грубая ошибка.

В дальнейшем уже отбыв срок ссылки Дмитрий Клеменц активно занимался наукой в Томске и Иркутске, где возглавил Восточно-Сибирское отделение Русского Императорского географического общества (ВСОИРГО). На этом посту он смог организовать экспедицию в Якутию, получившую название Сибиряковской (по имени мецената И. М. Сибирякова, выделившего на нее 10 тысяч рублей). История организации и проведения Сибиряковской экспедиции наглядно показывает, насколько сложным является вопрос об участниках производства колониального знания. Ко второй половине XIX в. Якутия превратилась в поле пересечения интересов нескольких групп акторов, каждая из которых преследовала свои цели, зачастую противоположные. Так, ВСОИРГО проявляло научный интерес к региону, однако, было слишком стеснено в средствах для организации самостоятельных экспедиций.

Если такие мероприятия и происходили, то они финансировались либо Академией Наук, либо местными промышленниками, которые были еще одним актором в регионе. В первую очередь это были иркутские купцы и золотопромышленники. Они были заинтересованы как в достоверных сведениях о природных ресурсах Якутии (в первую очередь золото, древесина и пушнина), так и в информации об образе жизни местного населения и влиянии на него русских. Особую роль в освоении и изучении области сыграли две семьи купцов и промышленников — Громы и Сибиряковы.

Для центральной власти, представленной в регионе восточносибирским генерал-губернатором, проживавшим в Иркутске, представляло интерес использование Якутии в качестве места ссылки, само расположение которого минимизирует возможности побега. Отношение же к ссыльным со стороны бывшего тогда генерал-губернатором А. Д. Горемыкина было достаточно жестким.

Местная администрация, во главе которой находился губернатор В. Н. Скрипицын, была заинтересована в получении максимально подробной информации об области для оптимизации управления ею (Архипова, 2011). Однако недостаток квалифицированных кадров вынуждал привлекать ссыльных для проведения необходимых исследований. При этом губернатор настороженно относился к ученым из других регионов (особенно из центральных учреждений), поскольку опасался, что они заберут с собой все полученные материалы. Поэтому любимым детищем В. Н. Скрипицына был областной статистический комитет, возглавляемый в это время сотником А. И. Поповым, в работе которого активно участвовали и ссыльные.

Третьим актором в Якутии в это время была значительная колония ссыльных, которых по данным на 1889 г. насчитывалось около 6 тысяч, что составляло более половины всего неинородческого населения области. Но при этом большая их часть была рассеяна по удаленным наслегам, где они оказывались в окружении якутов, которые часто в деле надзора за ссыльными превосходили в рвении полицейских чинов. Помимо этого, стоит отметить сложности с коммуникацией между ссыльными, проживающими в разных районах Якутской области из-за трудностей по доставке почты, которая могла идти несколько недель или даже месяцев. Но даже в таких условиях ссыльные умудрялись заниматься научной работой, в том числе устанавливая контакты с представителями местной интеллигенции. Именно ссыльные в дальнейшем стали основными участниками экспедиции, в том числе и народовольцы

Владимир Ильич Иохельсон и Владимир Германович Богораз. Причем их ситуация была еще хуже, чем в начале ссылки у Клеменца — они оказались в совсем глухих местах Якутской области (в районе Среднеколымска), где доступа к научной литературе или общению с образованными людьми фактически не было. Поэтому для них экспедиция оказалась не просто глотком свежего воздуха, но способом выживания (среди ссыльных был довольно высокий процент самоубийств, связанных с ощущением безысходности и бесполезности своего существования).

Только после длительных переговоров Д. А. Клеменцу удалось согласовать интересы всех сторон. Помимо трудностей в переговорах с представителями царской администрации, которые с подозрением относились к участию ссыльных в экспедиции, ему пришлось столкнуться с разногласиями в среде самих ссыльных, которые едва не переросли в большой конфликт. Однако в итоге экспедиция состоялась и стала одним из крупнейших и успешных мероприятий по изучению самой восточной окраины Российской империи. При этом только часть полученных в рамках нее знаний (та, что касалась земельных отношений) в итоге была использована местной администрацией.

Совместными усилиями нескольких исследователей был сделан вывод об идущих процессах обьякучивания русского населения области. В основном это выражалось в утрате русской речи у крестьян, а у тех, кто ее еще не утратил, происходила серьезная порча языка. Вообще, говоря о таком явно выраженном явлении, как метисация, один из участников экспедиции Н. Л. Геккер выделил четыре расовых типа: тюрко-монгольский, монгольско-тюркский, якутско-русский и русско-якутский (Отчет о Сибиряковской экспедиции, б. д.). В дальнейшем на основании этих материалов другой народник И. И. Майнов написал обобщающую работу о русских крестьянах и оседлых инородцах Якутской области, где указал, что метисация может идти крайне неравномерно: часть признаков (размеры тела) могут передаваться от русских, а другие (лицевые) — от якутов (Майнов, 1912: 21). Помимо антропологических изменений метисация приводила и к сокращению рождаемости, из-за чего у метисов она была скорее на уровне инородцев, а не русских. В результате был сделан вывод, что метисы могут быть выделены в отдельную этнографическую группу, а не считаться просто частью великорусского этноса.

На основе собранного лингвистического материала, В. И. Иохельсон сделал несколько крупных открытий относительно этногенеза неко-

торых групп инородцев. Как указывает С. Б. Слободин (Слободин, 2005: 83):

В. И. Иохельсон определил, что считавшееся вымершим племя омоков, ранее ассоциировавшееся с юкагирами, является всего лишь одним из родов до сих пор существующего, хотя и немногочисленного, но сохранившего самобытную культуру, язык и этническую самостоятельность юкагирского народа.

Причем сам Иохельсон осознавал значение своих лингвистических изысканий (Сирина, 2007):

Мои предположения относительно языка Колымских тунгусов вполне оправдались. Они говорят на юкагирском наречии. Я свел тунгуса из Колымского округа с Колымским тунгусом, и они друг друга понимали, только когда последний заговорил по-ламутски. Нижнетунгусское наречие имеет 3/4 юкагирских основ, а тунгусские основы в дальнейших словообразованиях подчинены юкагирской грамматике. Вообще строение языка вполне юкагирское, отличается же от юкагирского значительным количеством тунгусских слов, переходом одних согласных в другие. Смягчением некоторых из них, удлинением некоторых гласных и так что все конечные гласные произносятся как французские носовые звуки.

Вообще использование языка как важнейшего признака народа было характерно для этнографии рубежа XIX–XX вв., но в данном случае интересно, что открытие было сделано человеком без специальной подготовки, самостоятельно изучившим языки, специалистов по которым в мире на тот момент просто не было.

Примерно на то же время (первая половина 1890-х гг.) приходится время начала научной деятельности еще одного активного участника народнического движения — Льва Яковлевича Штернберга. Оказавшись в ссылке на Сахалине, он познакомился там с сочинением Ф. Энгельса о происхождении семьи, частной собственности и государства, что во многом сформировало взгляды Штернберга как эволюциониста (с работами классиков эволюционизма — Тайлора и Моргана — он познакомился позже). Еще одним важным основанием, из которого в дальнейшем выросли его теоретические построения, стали увлечение мистицизмом и хорошее знакомство с иудейской традицией (Сирина, Роон, 2004: 50). Будучи одним из теоретиков революционного террора, автором брошюры «Политический террор в России», Лев Яковлевич в ссылке довольно легко согласился на сотрудничество с местной администрацией и в 1891 г. принял участие в переписи нивхских стойбищ Северного Сахалина. Собранный в ходе этой экспедиции полевой материал лег

в основу первой публикации Штернберга, посвященной социальной организации нивхов, на которую обратил внимание Ф. Энгельс, видя в ней подтверждение теории группового брака. Вообще исследования Л. Я. Штернберга на Сахалине получили поддержку со стороны властей, благодаря чему ему было даже разрешено побывать на материке — во Владивостоке, Благовещенске и на Нижнем Амуре.

Сибиряковская экспедиция, да и вообще этнографические исследования ссыльных народников показали, что местные власти в целом благожелательно относились к участию бывших революционеров в производстве колониального знания. Их заинтересованность легко объяснялась недостатком образованных кадров на местах. При этом власти стремились получить конкретные данные, связанные с численностью инородцев, системой социальных и земельных отношений у них, в гораздо меньшей степени интересуясь общетеоретическими вопросами. Именно поэтому представители местной администрации были негативно настроены к участию в экспедициях представителей науки из Центральной России, опасаясь, что полученные в ходе них данные уйдут в столичные музеи и университеты, не способствуя оптимизации системы управления на восточных окраинах.

К началу XX в. отбывшие ссылку народники получили возможность вернуться в Европейскую Россию и включиться в систему производства академического знания. В это время наиболее значимыми были теоретические обобщения Дмитрия Клеменца, созданные им в период работы в Санкт-Петербурге на посту заведующего Этнографическим отделом Русского музея Александра III на основе его предшествующих полевых исследований. Наиболее значимыми из них можно назвать три: создание первого варианта теории культурно-этнографических типов, критику традиционной на тот момент схемы «собирательство-скотоводство-земледелие» и концепцию культуры как результата деятельности всех рас. Причем все три тезиса им были выдвинуты как бы «походя», он специально не выделял их как научные гипотезы, рассуждая о них как о само собой разумеющихся выводах.

Первый из них был сформулирован в ходе обсуждения проекта организации экспозиции Этнографического отдела. Основная трудность заключалась в том, каким образом соединить в рамках одного музея экспонаты, относящиеся к культуре русского народа и всех остальных народов империи, чтобы при этом русская культура не выглядела невзрачной на фоне многообразия «инородческих». А поскольку этнография на тот момент воспринималась большей частью ученых как наука

о первобытной культуре, возникло несколько точек зрения по этому вопросу. На этом фоне Д. А. Клеменц выдвинул революционное предложение, вызванное в общем-то утилитарным подходом: представить в музее именно народы, а не культуры, причем народы на современном этапе их развития, в том числе не относящиеся к первобытным. Для его реализации Дмитрий Александрович впервые предложил классификацию, которая в дальнейшем получила развитие в советской этнографии как теория хозяйственно-культурных типов. Он выделил пять зон в пределах Российской империи: тундра с преобладанием охотничьего хозяйства; умеренная зона с земледелием; лесостепная зона как переходная от кочевого скотоводства к земледелию; степь с кочевым скотоводством; южные районы с земледелием (Федорова, 1988: 126). На основании этого принципа и планировалось организовать музейное пространство. Однако невероятно новаторская идея Клеменца встретила неприятие большинства участников совещания, выступавших за построение экспозиций по географическому принципу. В результате его проект так и не был реализован, хотя особое мнение Д. А. Клеменца было после издано отдельной брошюрой (Клеменц, 1901).

Второй тезис нашел отражение в серии очерков «Заметки о кочевом быте», впервые опубликованных в 1903 г., а потом перепечатанных как единый текст в 1908 г. В противовес распространенной в то время схеме эволюции хозяйства «охота — кочевое скотоводство — земледелие» Д. А. Клеменц писал о нелинейном характере данного процесса. Указывая на охоту как на древнейшую форму (причем разделяя ее на две стадии: низшую и высшую), он говорил о том, что кочевое скотоводство возникло либо позже земледелия, либо вместо него в тех районах, где земледелие было невозможно. При этом скотоводство не является обязательным этапом в эволюции хозяйства, поскольку связано с конкретными природно-климатическими условиями. Первоначальным очагом скотоводства он считал Среднюю Азию, откуда оно затем распространилось в другие регионы (Клеменц, 1908). Здесь Клеменц вновь выступал как сторонник идей культурной диффузии хотя, по всей видимости, так и не был знаком с трудами первых диффузионистов. Исходя из нелинейности развития, он отрицал большую прогрессивность земледелия по сравнению со скотоводством, говоря, что именно благодаря последнему человечеству удалось освоить районы слабо пригодные для обитания — сухие степи, пустыни и тундру. Также кочевничество дало импульс развитию культуры и стало причиной быстрого вытеснения матриархата

патриархатом. Однако здесь нельзя не отметить одну важную методологическую ошибку: смешение понятий «скотоводство» и «кочевничество», из-за чего ряд примеров эффективности кочевого скотоводства выглядят сомнительно (австралийское овцеводство, швейцарское разведение коров). Тем не менее, идея связи между типом хозяйства и природно-географическими условиями, стала, по существу, развитием взглядов Клеменца при обсуждении экспозиций в Русском музее.

Третье обобщение было сделано в рамках публицистической статьи «Беглые заметки о желтой опасности», вышедшей во время русско-японской войны. Критикуя европоцентристские мифы о извечной отсталости и агрессивности азиатских народов, Д. А. Клеменц отметил некорректность представлений о Востоке как некоем едином пространстве. Выступая против колониализма, основанного на превосходстве «арийской расы» над остальными, он писал, что не существует врожденных способностей к прогрессу, а мыслительные процессы определяются не формой или размером черепа. Соответственно, культура не создана только представителями одной расы — европеоидной — а является результатом деятельности всего человечества, поскольку разные элементы культуры появляются независимо друг от друга в различных частях света (Клеменц, 1905). Здесь Клеменц уже выступил как критик диффузионизма, находясь скорее на эволюционистских позициях. Это опять-таки можно объяснить тем, что он не обладал изначальной теоретической подготовкой, многие его знания по этнографии, полученные в ходе полевых исследований, оказывались отрывочными и бессистемными.

По другому пути в сфере производства научного знания шли те из участников революционного народничества, кто не имел опыта полевых исследований. Среди них можно назвать того же Петра Лаврова, продолжившего попытки создать новую методологию изучения истории, опираясь на существующие в зарубежной науке исторические и антропологические теории³, а также Николая Александровича Морозова, отбывавшего заключение в Шлиссельбургской крепости. Пребывание в тюрьме, несмотря на все трудности, давало Морозову возможность знакомиться с новейшими научными достижениями, поскольку специальную литературу заключенные получали без особых проблем. В первую

³Его самые значительные обобщающие работы были опубликованы под псевдонимом С. С. Арнольди в конце жизни или уже после смерти: «Задачи понимания истории» в 1898 г., «Цивилизация и дикие племена» в 1903 г. Подобно всем предыдущим его сочинениям они стали не результатом работы с конкретными фактами, а творческого переосмысления чужих теорий.

очередь он заинтересовался естественнонаучными теориями, однако из-за отсутствия возможностей самостоятельно вести экспериментальную работу, его представления формировались исключительно на теоретическом уровне. Как писали исследователи его биографии (Сайкин, Серебровская, 1982: 19):

В крепостной одиночке Н. А. Морозов создает трехтомный труд «Строение вещества», а также «Периодические системы строения вещества». Помимо работ по химии, он написал в стенах Шлиссельбурга книги по математике, астрономии, метеорологии и др. Рукописи многочисленных трудов к моменту выхода его из крепости в 1905 г. составили 26 томов.

Им было высказано несколько гипотез в области химии и физики, которые вполне согласовывались с существующей картиной мира (например, идея о сложном строении атома, о существовании инертных газов и т. д.). В то же время, из-за отсутствия системного образования, некоторые предположения оказались построены на ложных аналогиях (теория мировых атмосфер, взгляды на «Апокалипсис» как описание астрономических явлений). Но если в области естественных наук его предположения, основанные на энциклопедических знаниях, были хотя не всегда верными, но, по крайней мере, любопытными, то попытка погрузиться в сферу истории может считаться полностью провальной. Не владея ни базовыми знаниями об исторических фактах, ни методологией исторической науки в целом, Морозов, фактически, создал псевдонаучные построения, раскритикованные как дореволюционными, так и советскими и современными историками⁴.

Другие народники — В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон и Л. Я. Штернберг до революции продолжали вести активную полевую работу, одновременно сотрудничая с зарубежными коллегами. Так, первые двое приняли участие в крупной международной экспедиции, организованной Американским музеем естественной истории и получившей название Джексоновской, 1900–1901 гг. В ходе нее они не только расширили свои знания в области лингвистики и быта изучаемых народов, но и познакомились с существующими за рубежом этнологическими теориями (в частности, исторической антропологией Франца Боаса). Штернберг же познакомился с Боасом в 1905 г., работая с материалами того же музея, а также

⁴Что не помешало им лечь в основу «Новой хронологии» математиков А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского. Этот пример лишний раз подтверждает тот факт, что попытка строить глобальные обобщения, не владея конкретными знаниями, чревата серьезными заблуждениями.

сотрудничая при подготовке издания трудов этой экспедиции. Интересно, что будучи близки по взглядам, Богораз, Иохельсон и Штернберг несколько отличались в этот период по занятому месту в системе производства знания. Лев Яковлевич уже с 1900 г. стал редактором этнографического отдела словаря Брокгауза и Ефрона, с 1901 г. начал сотрудничать с одним из крупнейших научных учреждений Российской империи в сфере народоведения — Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) (в 1902 году у него появился конкурент — Этнографический отдел Русского музея), где в 1904 г. занял должность старшего этнографа, заместителя директора. В таком статусе он обладал значительным авторитетом, что подкреплялось публикацией около 40 статей по этнографии и религиоведению в том самом словаре (Сирина, Роон, 2004: 59). Поэтому неудивительно, что ему предложили написать несколько статей для сборника, посвященного современному состоянию национального вопроса в России, Австро-Венгрии и Германии (Формы национального движения..., 1910). Штернбергом были написаны общий обзор инородцев в России, а также статья, посвященная бурятам. Им было дано новое определение термина «инородцы» как этнографического понятия именно в контексте национального движения: «группы народов, либо совсем чуждых, либо только в незначительной мере приобщившихся к европейской культуре» (там же: 532). Из него видно, что несмотря на революционные взгляды, Штернберг в это время рассуждал вполне в духе ориентализма, хотя мог и не соглашаться с государственной политикой в инородческом вопросе.

Владимир Германович Богораз, помимо продолжения научной деятельности, занимался литературной, а также деятельностью общественно-политической, став членом различных объединений, активно действовавших во время революции 1905–1907 гг. Более того, в ходе Первой мировой войны он в качестве добровольца отправился на фронт, став начальником санитарного отряда (Михайлова, 2004: 112–115). По сути, несмотря на авторитет как ученого, производство научного знания в этот период не было для Богораза приоритетным, в некотором плане он вернулся к той деятельности, которая была у него до ареста и ссылки. Наконец, Владимир Ильич Иохельсон большую часть времени проводил в экспедициях, только в 1912 году переехав в Санкт-Петербург, где оказался фактически «на птичьих правах», не имея какого-то официального статуса (кроме внештатного этнографа в МАЭ, без оклада) (Слободин, 2005: 103–109). Именно его деятельность была ближе всего

к производству чистого научного знания, которое, несмотря на признание в сообществе профессионалов, было совершенно не востребовано ни властью, ни обществом.

Наиболее последовательно взгляды В. И. Иохельсона и Л. Я. Штернберга на общетеоретические вопросы этнографии были выражены в дискуссии, развернувшейся в Отделении этнографии ИРГО в 1916 г. после доклада Николая Михайловича Могилянского (Могилянский, 1916), который на тот момент возглавлял Этнографический отдел Русского музея. В докладе Могилянский выступил за принципиальный пересмотр предмета этнографии, отойдя от изучения только «первобытных» народов к этносу как отдельному феномену. Также он резко раскритиковал отношение к этнографии как к истории первобытной культуры, которая только собирает материал для подтверждения положений эволюционной концепции. Следует указать, что в отличие от народников, Могилянский получил специальное образование в Парижской школе антропологии, при этом также он участвовал в этнографических экспедициях, имея опыт полевой и музейной работы. Еще одним участником той дискуссии стал Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский, известный географ, на тот момент занимавший пост начальника статистического отделения в министерстве торговли и промышленности. Таким образом, здесь были представлены позиции академической науки, народнической этнографии и центрального правительства.

Мысль В. П. Семенова-Тянь-Шанского сводилась к тому, что

наше Общество — географическое, а потому обязано заботиться о том, чтобы во всех его Отделениях на первом месте стояла география и остальные примыкающие к ней научные дисциплины играли только служебную, а не самодовлеющую роль (Журнал заседания Отделения этнографии..., 1917: 4).

Для него, особенно в условиях идущей войны, на первый план выходили прикладные нужды государства, удовлетворить которые этнография сможет только в форме антропогеографии. Для В. И. Иохельсона этнография — это

дисциплина историко-гуманитарная. Она изучает духовную, умственную и семейно-социальную жизнь народов. Под умственной жизнью я подразумеваю также материальную культуру, так как техника и изобретения являются продуктом деятельности человеческого ума (там же: 5).

При этом указывалось, что к числу изучаемых народов не должны относиться «цивилизованные» и «доисторические», которые попадают

в поле зрения истории и археологии соответственно. В выступлении Л. Я. Штернберга нашла отражение его близость к эволюционной концепции, когда он указал, что задачей этнографии является «изучить развитие явлений культуры, [...] изучать культурные явления невозможно без предварительного изучения культур отдельных народностей» (Журнал заседания Отделения этнографии..., 1917: 9). В целом же в ходе заседания обнаружилось существование противоречий между акторами производства теоретического знания: государство стремилось к максимальной прагматизации знания, тогда как представители разных течений в российской этнографии принципиально расходились даже в объекте своей науки, при этом одинаково не желая превращения ее исключительно в прикладную дисциплину типа антропогеографии.

После установления советской власти, именно эта «этнотройка» — Богораз, Штернберг, Иохельсон — стала самой влиятельной в отечественной этнографической науке. Это побуждало ее членов к созданию определенных обобщающих работ, опирающихся на полученный в ходе экспедиционной работы опыт. В меньшей степени это относилось к Иохельсону, который с 1922 г. жил в США (официально — в научной командировке), где заканчивал обобщение материалов по этнографии коряков. Во многом благодаря своему революционному прошлому, а также высокой оценке работы Штернберга Энгельсом, они получают возможности для руководства процессом производства знания о народах в новом советском государстве. С 1918 г. Штернберг возглавил МАЭ, туда же поступил в качестве ученого хранителя Богораз. В том же году Лев Яковлевич возглавил этнографическое отделение Географического института в Петрограде (позже преобразованного в этнографический факультет Ленинградского государственного университета), а Владимир Германович стал одним из преподавателей. При их содействии в 1924 г. был создан Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера), в рамках которого не только изучался быт северных народов, но и была начата подготовка национальных кадров, продолжившаяся потом в рамках Института народов Севера, основанного в 1929 г. Целью функционирования института было не просто обучение нескольких десятков представителей северных народов, но создание такой системы, при которой эти обучающиеся будут выступать в качестве агентов модернизации. Подразумевалось, что они будут сочетать теоретическое обучение в институте с ежегодными поездками домой, в рамках которых смогут как проводить полевые исследования, так и личным примером демонстрировать сородичам

те возможности, которые дает им советская власть (Liarskaya, 2018). Помимо этого, Штернберг был одним из редакторов журнала «Этнография» — главного научного издания по народоведению.

Находясь в таком высоком статусе, помимо создания обобщающих работ по истории отдельных народов (чукчей — Богоразом, нивхов — Штернбергом), охватывающих все аспекты их жизни (хозяйство, социальные отношения, верования), ими было создано несколько работ, задающих новую парадигму в советской этнографии. Львом Яковлевичем Штернбергом был создан курс по истории религии, основанный на собственных этнографических наблюдениях (что отличало от работ Э. Тайлора, Э. Лэнга и Дж. Фрэзера). В нем, в частности, доказывалось отсутствие дорегиозного периода в истории человечества, а сама религия была названа древнейшим общественным институтом. Само определение религии, данное Штернбергом, существенно отличалось от тех, которые использовались прежде (Штернберг, 1936: 248):

религия есть одна из форм борьбы за существование в той области, где личные усилия человека, все усилия его интеллекта, все его гениальные способности и изобретательность являются бессильными.

При этом, как указывает Сергей Кан, теоретические взгляды Штернберга нельзя свести только к эволюционизму. В некоторых аспектах он был близок к социологической школе Э. Дюркгейма, исторической школе Ф. Боаса или структурному функционализму Б. Малиновского и А. Р. Редклиффа-Брауна. В вопросах истории религии серьезное влияние оказывало воспитание в рамках иудейской традиции, из-за чего именно в иудаизме он видел высшую форму монотеизма (Кан, 2012).

Не менее оригинальным был подход к теории религии у Владимира Германовича Богораза (Тана). Еще в 1923 г. он выпустил брошюру «Эйнштейн и религия» в которой утверждалось (Богораз-Тан, 1923: 4):

Только теория относительности дает возможность применить измерительный метод к религиозным явлениям, ибо она устанавливает, как основной принцип, что каждая система S, каждая область явлений — имеет свое собственное пространство и свое собственное время, и только с этой точки зрения можно исследовать измерительные данные в религиозной области.

Последовательно применяя этот принцип, он отмечал, что религиозные явления обладают своей собственной логикой и в реальности верующего человека оказываются объективно существующими. Им был задуман и обобщающий труд: «Религия в свете этнографии», но в свет

вышла только его завершающая часть, посвященная христианству, в которой прослеживались его первобытные корни.

Наконец, последним крупным трудом Богораза, носящим важный методологический характер, стало «Распространение культуры на Земле», написанное в рамках диффузионизма. Однако между работой В. Г. Богораза и сочинениями немецких антропогеографов и сторонников теории «культурных кругов» есть существенное различие, заключающееся в переносе центра исследования с первобытных народов на современные. В работе провозглашалось создание новой науки — этногеографии, которая «есть этнография, взятая в ее географическом распространении, или напротив того, это есть география с новым этнографическим наполнением» (Богораз-Тан, 1928: 42). Связывая этнографию с изучением культуры, Богораз выступил с важным методологическим замечанием: если материальная культура носит «общечеловеческий» характер и ее плоды могут быть легко заимствованы одним народом у других, то в области духовной культуры такие заимствования невозможны. Он признавал наличие определенных закономерностей в развитии духовной культуры, но при этом указывал, что к настоящему времени они не выявлены и носят исключительно эмпирический характер. Также Богораз указывал на значимую роль индивидуального элемента в деле развития материальной культуры, тогда как для духовной эта роль гораздо меньше. Еще одним важным положением было признание возможности изменения границ культурных кругов, их расширения, взаимопроникновения и дальнейшего слияния в единую мировую культуру. Однако то, что это сочинение не укладывалось в рамки марксизма, набирающего силу в этнографии в то время, привело к его жесткой критике, из-за чего концепция оказалась фактически похороненной.

Собственно, то самое совещание этнографов Москвы и Ленинграда, состоявшееся в 1929 г., на котором было раскритикованы взгляды Богораза, подвела итог развитию народнической этнографии. В рамках прений по одному из докладов Владимир Германович так обозначил задачи теоретической этнографии (От классиков к марксизму, 2014: 118):

мы должны определить технико-хозяйственные ареалы, причем мы должны их разграничивать. Мы должны определить их географическое распространение, мы должны их связать с естественными условиями, и тогда мы должны из них вывести комплекс, который одновременно покрывает производственный подход, покрывает анализ статических элементов как пища, одежда, жилище и т. д., покрывает анализ религии как отображение этого

процесса и покрывает анализ психологический и социальной психологии как надстройки над этой материальной базой.

Здесь видна попытка соединить этногеографию с марксизмом с целью вывести автора из-под критики оппонентов. Однако это особо не помогло — критика продолжилась, хотя накопленный авторитет позволил Богоразу сохранить возможность вести научную и педагогическую деятельность.

Таким образом, место революционных народников в системе производства теоретического знания в Российской империи и первые годы советской власти достаточно сильно менялось. Изначально они выступали в качестве реципиентов, усваивая созданные западными авторами, а также более старшими соотечественниками глобальные теории общественного развития. Исходя из них, молодые участники революционного движения строили свою тактику как в рамках «хождения в народ», так и на nive политического террора. Однако реальность показала, что эти теории слабо отражают ту реальность, с которой народники столкнулись на практике. После разгрома народничества многие его участники оказались в ссылке на окраинах империи. Обладая деятельной натурой, они были вынуждены сотрудничать с официальными государственными организациями — отделениями ИРГО, статкомитетами, так или иначе взаимодействовали с представителями власти. Одной из основных форм деятельности для них стало участие в экспедициях, в которых собирался конкретный материал (от этнографического до геологического). В этом случае они превращались в агентов колонизации, создавая новое знание, которое могло использоваться как в управлении восточными окраинами, так и для эксплуатации природных богатств региона. Интерпретация полученного знания осуществлялась уже не на основе усвоенных ранее глобальных теорий, поскольку это была новая для народников сфера. В то же время по мере накопления этого материала и знакомства с теориями в области этнографии и археологии, некоторые народники так или иначе выходили на уровень новых обобщений, часто делая это как бы мимоходом. Так, например, в ходе Сибиряковской экспедиции были высказаны довольно смелые лингвистические и антропологические гипотезы. При обсуждении проектов экспозиции в Русском музее Д. А. Клеменцем были сформулированы основы теории хозяйственно-культурных типов. По мере того как бывшие революционные народники приобретали авторитет в научной сфере и определенный статус в системе производства имперского знания, ими создавались

новые теоретические обобщения, выходящие за рамки прикладного использования. Из-за того, что они не имели специального образования, новые обобщающие теории могли носить несколько эклектичный характер, соединяя элементы эволюционизма, диффузионизма, функционализма и других этнографических школ. Однако их построения стали входить в противоречие с проникающим во всех сферы марксизмом, из-за чего, фактически, оказались невостребованными на долгое время. Таким образом, представители революционного народничества прошли путь от оппозиции к сотрудничеству с властью в деле производства нового знания, после чего вновь оказались в оппозиции, а созданные ими теории были подвергнуты критике.

СОКРАЩЕНИЯ

МАЭС ТГУ	Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.
ОГКУ ГАИО	Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Иркутской области».

Источники

Рукописные источники

- Комментарии Д. К. Клеменца к изданию статьи В. В. Радлова «Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и степей Средней Азии» // МАЭС ТГУ. — Б. д. — Фонд А. В. Адрианова. — Папка 11. — Л. 175 об, 175.
- Отчет о Сибиряковской экспедиции // ОГКУ ГАИО. — Б. д. — Ф. 293. — Оп. 1. — ОЦ. Д. 59. — Л. 63 об, 64.

Опубликованные источники

- Берви-Флеровский В. В.* Азбука социальных наук : в 3 т. — СПб. : Типография В. Нусвальта, 1871.
- Богораз-Тан В. Г.* Эйнштейн и религия : применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. — М. : Издательство Л. Д. Френкель, 1923.
- Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на Земле : основы этногеографии. — М. : Государственное издательство, 1928.
- Журнал заседания Отделения этнографии И. Р. Г. О. 4 марта 1916 года // Живая старина. — 1917. — Т. 25, № 2/3. — С. 1–11.
- Клеменц Д. А.* Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа : материалы для изучения миросозерцания сибирского сельского населения // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. — 1888. — Т. 19, № 3. — С. 27–54.

- Клеменц Д. А.* Отдельное мнение старшего этнографа Императорской Академии наук Д. Клеменца, члена подкомиссии для выработки проекта разделения Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. — СПб. : [s. n.], 1901.
- Клеменц Д. А.* Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство. — 1905. — № 7. — С. 36–56.
- Клеменц Д. А.* Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. — 1908. — Т. 49, № 52. — С. 7–57.
- Лавров П. Л.* Философия и социология : Избранные произведения. В 2 т. Т. 2 / под ред. А. Ф. Окулова. — М. : Мысль, 1965.
- Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. — СПб. : Типография В. Ф. Киришаума, 1912.
- Могиланский Н. М.* Предмет и задачи этнографии // Живая старина. — 1916. — Т. 25, № 1. — С. 1–22.
- От классиков к марксизму : совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Д. Андерсона. — СПб. : МАЭ РАН, 2014.
- Тихомиров Л. А.* Воспоминания Льва Тихомирова / под ред. В. И. Невского. — М. : Гос. изд-во, 1927.
- Ткачев П. Н.* Кладези мудрости российских философов. — М. : Правда, 1990.
- Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. — СПб. : Издание Н. П. Полякова, 1869.
- Формы национального движения в современных государствах : Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1910.
- Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии : исследования, статьи, лекции. — Л. : Издательство Института народов Севера, 1936.

ЛИТЕРАТУРА

- Алаев Л. Б.* Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. — 2014. — № 2. — С. 46–72.
- Архипова А. И.* Губернатор Якутской области В. Н. Скрыпицын : вопросы управления // Известия Иркутского государственного университета. — 2011. — Т. 1, № 1. — С. 90–97.
- Кан С.* Научные взгляды Л. Я. Штернберга в контексте мировой этнологии и его собственной идеологии народника и еврейского патриота // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог : к 150-летию со дня рождения / под ред. Е. А. Резвана. — СПб. : МАЭ РАН, 2012. — С. 179–189.
- Колесникова Л. А.* Историко-революционная мемуаристика (1917–1935 гг.) как массовый источник по истории русских революций (методика количественного анализа) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Колесникова Л. А. — Институт российской истории Российской академии наук, 1996.

- Кузнецов С. К.* Критика и библиография // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. — 1888. — № 93. — С. 3–4.
- Милевский О. А., Панченко А. Б.* «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. — М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- Михайлова Е. А.* Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / под ред. В. А. Тишкова. — М.: Наука, 2004. — С. 95–136.
- Пенькова Е. А.* Повседневность политических заключенных в тюремных учреждениях Российской империи 1879–1917 гг. (на материалах губерний Европейской части страны): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Пенькова Е. А. — Казань: К(П)ФУ, 2015.
- Рожанов Ф. С.* Записки по истории революционного движения в России (до 1913 года). — СПб.: Типография штаба Отд. Корп. Жанд, 1913.
- Сайкин О. А., Серебровская К. Б.* Жизненный путь Николая Александровича Морозова // Николай Александрович Морозов: ученый-энциклопедист / под ред. Ю. И. Соловьева. — М.: Наука, 1982. — С. 6–29.
- Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: адат, шарият и производство знаний в казахской степи / под ред. О. П. Панайоти. — М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Сафронова Ю. А.* Вовлечение в политическое: революционное народничество 1870-х годов как сообщество читателей // Вестник Пермского университета: История. — 2018. — Т. 2, № 41. — С. 65–74. — DOI: 10.17072/2219-3111-2018-2-65-74.
- Сирина А. А.* «Скоро будет два года, как мы занимаемся экспедиционными работами...» Неизвестные письма В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза из Сибиряковской (Якутской) экспедиции / Илин. — 2007. — URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2007-5/90.htm> (дата обр. 20 февр. 2020).
- Сирина А. А., Роон Т. П.* Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / под ред. Д. Д. Тумаркина. — М.: Наука, 2004. — С. 49–94.
- Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / пер. с англ. О. Леонтьевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Слободин С. Б.* Колумб северной этнографии (к 150-летию со дня рождения В. И. Иохельсона) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. — 2005. — № 2. — С. 82–94.
- Схиммельпэнник ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П. С. Бавина. — М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. — М.: Новое литературное обозрение, 2013.

- Федорова В. И. Революционный народник, ученый и просветитель Д. А. Клементц. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.
- Центральная Азия в составе Российской империи / под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова, Н. Е. Бекмахановой. — М. : Новое литературное обозрение, 2008.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. — М. : Новое литературное обозрение, 2013.
- Liarskaya E. Penelope's Cloth : "The Bogoras Project" in the Second Half of the 1920s–1930s // Jochelson, Bogoras and Shternberg A Scientific Exploration of Northeastern Siberia and the Shaping of Soviet Ethnography / ed. by E. Kasten. — Havel : Kulturstiftung Sibirien, 2018. — P. 171–205.

Panchenko, A. B. 2020. "Ot obshchego k chastnomu i obratno [From the General to the Quotient and Backward]: osobennosti proizvodstva znaniya narodnikami [Peculiarities of Knowledge Production by the Populists]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* IV (2), 249–281.

ALEKSEY PANCHENKO

PH.D. IN HISTORY; ASSISTANT PROFESSOR AT THE SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

FROM THE GENERAL TO THE QUOTIENT AND BACKWARD PECULIARITIES OF KNOWLEDGE PRODUCTION BY THE POPULISTS

Submitted: Mar. 08, 2020. Accepted: May 09, 2020.

Abstract: Populism as a social and intellectual movement began to take shape in the 1860–70s among students. Their ideology was formed on the basis of global historical-philosophical and political-economic concepts. However, "going to the people" showed that such broad generalizations were contrary to reality and could not be used as an instrument of cognition. After the defeat of the populism, many of its participants found themselves in exile on the outskirts of the empire, where they were deprived of access to the traditional circle of reading. One of the main forms of activity for them was participation in expeditions that collected specific material (from ethnographic to geological), the comprehension of which required acquaintance with highly specialized literature. In process of accumulation of field material, some populists reached the new level of generalizations. During of the "Sibiryakovsky" expedition quite bold linguistic and anthropological hypotheses were voiced, while discussing the projects of the exposition in the Russian Museum by D. A. Klements, the foundations of the theory of cultural-household types were formulated. Later on, former populists L. Ya. Sternberg and V. G. Bogoraz were able to create new global concepts in ethnography. Thus, the production of knowledge by the people went according to the following principle: at first generalizing theories were used which could not stand the test of practice, then the stage of creation of private scientific knowledge in the field of archaeology, ethnography, geology came, and after that new high-level theories were created on their basis.

Keywords: Populism, Ethnography, D. A. Klements, V. G. Bohoraz, P. L. Lavrov, L. Ya. Sternberg, History of Science.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-249-281.

REFERENCES

- Abashin, S. N., D. Yu. Arapov, and N. Ye. Bekmakanov, eds. 2008. *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii [Central Asia within the Russian Empire]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Alayev, L. B. 2014. "Chem byla 'russkaya obshchina' i chto takoye 'russkaya obshchinnost'" [What Was 'Russian Community' and What Is 'Russian Community?'] [in Russian]. *Istoriya i sovremennost' [History and Modernity]*, no. 2: 46–72.
- Arkhipova, A. I. 2011. "Gubernator Yakut'skoy oblasti V. N. Skrypitsyn [V. N. Skrypitsyn, Governor of the Yakutsk Region]: voprosy upravleniya [Management Issues]" [in Russian]. *Izvestiya Irkut'skogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of Irkutsk State University]* 1 (1): 90–97.
- Arzyutov, D. V., S. S. Alymov, and D. Dzh. Anderson, eds. 2014. *Ot klassikov k marksizmu [From Classics to Marxism]: soveshchaniye etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) [The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: MAE RAN.
- Bervi-Flerovskiy, V. V. 1871. *Azbuka sotsial'nykh nauk [ABC of Social Sciences]* [in Russian]. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya V. Nusval'ta.
- Bogoraz-Tan, V. G. 1923. *Eynshteyn i religiya [Einstein and Religion]: primeneniye printsipa otноситel'nosti k issledovaniyu religioznykh yavleniy [Application of the Principle of Relativity to the Study of Religious Phenomena]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo L. D. Frenkel'.
- . 1928. *Rasprostraneniye kul'tury na Zemle [The Spread of Culture on Earth]: osnovy etnogeografii [Basics of Ethnogeography]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- Etkind, A. 2013. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Makarov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Fedorova, V. I. 1988. *Revolutsionnyy narodnik, uchenyy i prosvetitel' D. A. Klements [The Revolutionary Narodnik, Scientist and Enlightener D. A. Klements]* [in Russian]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta.
- Flerovskiy, N. 1869. *Polozheniye rabochego klassa v Rossii [The Situation of the Working Class in Russia]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye N. P. Polyakova.
- Kan, S. 2012. "Nauchnyye vzglyady L. Ya. Shternberga v kontekste mirovoy etnologii i yego sobstvennoy ideologii narodnika i yevreyskogo patriota [Scientific Views of L. Y. Shternberg in the Context of World Ethnology and His Own Ideology of a National and Jewish Patriot]" [in Russian]. In *Lev Shternberg — grazhdanin, uchenyy, pedagog [Lev Shternberg — Citizen, Scientist, Teacher] : k 150-letiyu so dnya rozhdeniya [To the 150th Anniversary of His Birth]*, ed. by Ye. A. Rezvan, 179–189. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: MAE RAN.
- Kastelyanskiy, A. I., ed. 1910. *Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh [The Forms of National Movement in Modern States]: Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya [Austria-Hungary. Russia. Germany]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za".
- Klements, D. A. 1888. "Nagovory i primety u krest'yan Minusinskogo okruga [Slander and Omens Among the Peasants of the Minusinsk District]: materialy dlya izucheniya mirosozertsaniya sibirskogo sel'skogo naseleniya [Materials for Studying the World Outlook of

- the Siberian Rural Population]" [in Russian]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society] 19 (3): 27–54.
- . 1901. *Otdel'noye mneniye starshego etnografa Imperatorskoy Akademii nauk D. Klementsа, chlena podkomissii dlya vyrabotki proyekta razdeleniya Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III* [Separate Opinion of Senior Ethnographer of the Imperial Academy of Sciences D. Klements, Member of the Sub-commission for the Elaboration of the Project of Division of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: [s. n.]
- . 1905. "Beglyye zametki o zheltoy opasnosti [Quick Notes on Yellow Danger]" [in Russian]. *Russkoye bogatstvo* [Russian Wealth], no. 7: 36–56.
- . 1908. "Zametki o kochevom byte [Notes on Nomadic Life]" [in Russian]. *Sibirskiy voprosy* [Siberian Issues] 49 (52): 7–57.
- Kolesnikova, L. A. 1996. "Istoriko-revolutsionnaya memuaristika (1917–1935 gg.) kak massovyy istochnik po istorii russkikh revolyutsiy (metodika kolichestvennogo analiza) [Historical and Revolutionary Memoirs (1917–1935) as a Mass Source on the History of Russian Revolutions (Quantitative Analysis Technique)]" [in Russian]. Published summary of a doctoral diss., Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk.
- "Kommentarii D. K. Klementsа k izdaniyu stat'i V. V. Radlova 'Etnograficheskiy obzor tyurkskikh plemen Yuzhnoy Sibiri i stepey Sredney Azii' [Comments by D. K. Klemenzenz on the Publication of V. V. Radlov's Article 'Ethnographic Review of the Turkic Tribes of Southern Siberia and the Steppes of Central Asia']" [in Russian]. N. d. In *MAES TGU [Museum of archeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University]*. Adrianov Fund. 11/175.
- Kuznetsov, S. K. 1888. "Kritika i bibliografiya [Criticism and Bibliography]" [in Russian]. *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni* [Siberian Bulletin of Politics, Literature and Public Life], no. 93: 3–4.
- Lavrov, P. L. 1965. [in Russian]. Vol. 2 of *Filosofiya i sotsiologiya [Philosophy and Sociology] : Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]*, ed. by A. F. Okulov. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Liarskaya, E. 2018. "Penelope's Cloth: 'The Bogoraz Project' in the Second Half of the 1920s–1930s." In *Jochelson, Bogoraz and Shternberg A Scientific Exploration of North-eastern Siberia and the Shaping of Soviet Ethnography*, ed. by E. Kasten, 171–205. Havel: Kulturstiftung Sibirien.
- Maynov, I. I. 1912. *Russkiye krest'yane i osedlyye inorodtsy Yakut'skoy oblasti [Russian Peasants and Sedentary Foreigners of the Yakutsk Region]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya V. F. Kirshbauma.
- Mikhaylova, Ye. A. 2004. "Vladimir Germanovich Bogoraz [Vladimir Germanovich Bogoraz]: uchenyy, pisatel', obshchestvennyy deyatel' [Scientist, Writer, Public Figure]" [in Russian]. In *Vydayushchiyesya otechestvennyye etnologi i antropologi xx veka [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century]*, ed. by V. A. Tishkov, 95–136. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Milevskiy, O. A., and A. B. Panchenko. 2017. "Bespokoynnyy Klements" ["Disturbed Clementz"]": opyt intellektual'noy biografii [Experience of Intellectual Biography] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Politicheskaya entsiklopediya.
- Mogilyanskiy, N. M. 1916. "Predmet i zadachi etnografii [Subject and Problems of Ethnography]" [in Russian]. *Zhivaya starina* [Living Old] 25 (1): 1–22.

- “Otchet o Sibiryakovskoy ekspeditsii [Report on the Sibiryakovsky Expedition]” [in Russian]. N. d. In *OGKU GAI O* [Regional State Government Institution “State Archive of the Irkutsk Region”]. 293/1/59/63, 64.
- Pen’kova, Ye. A. 2015. “Povsednevnost’ politicheskikh zaklyuchennykh v tyuremnykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy imperii 1879–1917 gg. (na materialakh guberniy Yevropeyskoy chasti strany) [The Daily Routine of Political Prisoners in the Prison Institutions of the Russian Empire 1879–1917 (Based on Materials from the Provinces of the European Part of the Country)]” [in Russian]. PhD diss., Kazan’: K(P)FU.
- Rozhanov, F. S. 1913. *Zapiski po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii (do 1913 goda)* [Notes on the History of the Revolutionary Movement in Russia (Until 1913)] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya shtaba Otd. Korp. Zhand.
- Safronova, Yu. A. 2018. “Vovlecheniye v politicheskoye [Political Involvement]: revolyutsionnoye narodnichestvo 1870-kh godov kak soobshchestvo chitateley [Revolutionary Populism of the 1870s as a Community of Readers]” [in Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta [Perm University Herald]: Istoriya [History]* 2 (41): 65–74. doi:10.17072/2219-3111-2018-2-65-74.
- Saykin, O. A., and K. B. Serebrovskaya. 1982. “Zhiznennyy put’ Nikolaya Aleksandrovicha Morozova [Life Path of Nikolay Alexandrovich Morozov]” [in Russian]. In *Nikolay Aleksandrovich Morozov : uchenyy-entsiklopedist [Encyclopedic Scientist]*, ed. by Yu. I. Solov’yev, 6–29. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Sartori, P., and P. Shabley. 2019. *Ekspertymy imperii [Empire Experiments]: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v kazahskoy stepi [Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]* [in Russian]. Ed. by O. P. Panayotti. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Shternberg, L. Ya. 1936. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii [Primitive Religion in the Light of Ethnography]: issledovaniya, stat’i, lektsii [Research, Articles, Lectures]* [in Russian]. Leningrad: Izdatel’stvo Instituta narodov Severa.
- Sirina, A. A. 2007. “Skoro budet dva goda, kak my zanimayemysya ekspeditsionnymi rabotami...” [‘Soon it Will be two Years Since We Are Engaged in Expedition Work...’]: Neizvestnyye pis’ma V. I. Iokhel’sona i V. G. Bogoraza iz Sibiryakovskoy (Yakut’skoy) ekspeditsii [Unknown Letters of V. I. Iokhelson and V. G. Bogoraz from the Sibiryak (Yakut) Expedition]” [in Russian]. Ilin. Accessed Feb. 20, 2020. <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2007--5/90.htm>.
- Sirina, A. A., and T. P. Roon. 2004. “Lev Yakovlevich Shternberg: u istokov sovet’skoy etnografii [At the Origins of Soviet Ethnography]” [in Russian]. In *Vydayushchiyesya otechestvennyye etnologi i antropologi XX veka [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century]*, ed. by D. D. Tumarkin, 49–94. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Skhimmel’pennik van der Oyye, D. [Schimmelpenninck van der Oye, D.] 2019. *Russkiy oriyeentalizm [Russian Orientalism]: Aziya v rossiyskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloy emigratsii [Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration]* [in Russian]. Trans. from the English by P. S. Bavin. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Slezkin, Yu. [Slezkine, Yu.] 2008. *Arkticheskkiye zerkala [Arctic Mirrors]: Rossiya i малыye narody Severa [Russia and the Small Peoples of the North]* [in Russian]. Trans. from the English by O. Leont’yeva. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Slobodin, S. B. 2005. “Kolomb severnoy etnografii (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Iokhel’sona) [Columbus of Northern Ethnography (on the 150th Anniversary of the Birth of V. I. Iokhelson)]” [in Russian]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*

- [*Bulletin of the North-Eastern Scientific Center of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*], no. 2: 82–94.
- Tikhomirov, A., L. 1927. *Vospominaniya L'va Tikhomirova* [*Memories of Lev Tikhomirov*] [in Russian]. Ed. by V. I. Nevskiy. Moskva [Moscow]: Gos. izd-vo.
- Tkachev, P. N. 1990. *Kladezi mudrosti rossiyskikh filosofov* [*Claudesi of Wisdom of Russian Philosophers*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Pravda.
- Tol'ts, V. 2013. "Sobstvennyy Vostok Rossii" ["*Russia's Own Orient*"]: *Politika identichnosti i vostokovedeniye v pozdneimperskiy i rannesovet-skiy period* [*The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- "Zhurnal zasedaniya Otdeleniya etnografii I. R. G. O. 4 marta 1916 goda [Journal of the Ethnography Department Meeting I. R. G. O. March 4, 1916]." 1917 [in Russian]. *Zhivaya starina* [*Living Old*] 25 (2–3): 1–11.